РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОГО ЖАНРА ДИАЛОГА В ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ КАРОЛИНГОВ

М.Р. Ненарокова

Литература эпохи Каролингов воспринималась ее создателями как преемница литературы Рима времен Августа, поэтому многие античные жанры успешно продолжали свое существование и даже переживали новый расцвет при Карле Великом, его сыновьях и внуках. Одним из литературных жанров, унаследованных средневековой латинской литературой от античной, был диалог.

Писатели Каролингского времени были хорошо знакомы с этим жанром и в теории, и на практике. В трактате Беды Досточтимого *De orthographia* (О правописании), который в Европе IX в. был стандартным школьным учебником, приводятся два слова, имевшие, с точки зрения автора, одно значение: «“диалог” по-гречески, “рассуждение” по-латыни»[1]. Латинское существительное *disputatio*[2] – *рассмотрение, исследование, обсуждение*, производное от глагола *disputo* – *истолковывать, рассуждать, спорить*, является, пожалуй, самым коротким определением диалога как жанра, ибо *disputatio* предполагает и наличие по крайней мере двух собеседников, придерживающихся разных точек зрения на обсуждаемый предмет, и поиск истины, и особую форму записи этого поиска, имитирующую устную речь.

Существовало и более развернутое определение жанра диалога. Храбан Мавр, знаменитый богослов, ученый-энциклопедист и педагог Каролингской эпохи, в своем труде *De Universo* (О Вселенной), пересказывая соответствующий отрывок из Этимологий св. Исидора Севильского[3], пишет о диалоге так: «Диалог есть обращение [друг к другу] двоих или многих, что латиняне называют беседами. Ибо то, что греки называют диалогом, мы называем беседами. Беседа же есть произнесение речей, ибо они следуют друг за другом между двумя сторонами... Ибо речь требует [присутствия] другого человека»[4]. Это определение почти не отличается от современного определения жанра диалога, приведенного в *Lexicon des Mittelalters*. Современные исследования этого жанра добавили возможность выбора одной или нескольких тем для обсуждения, обращения к самому себе (*soliloquium* – монолог, примерами которого являются *Soliloquia* Блаженного Августина и *Synonyma* св. Исидора Севильского), а также прозаическую или поэтическую форму и, что не всегда соблюдалось авторами, указания на место и время беседы[5].

К началу Каролингского возрождения (конец VIII – начало IX в.) жанр диалога имел долгую ис-

---

[1] *Beda Venerabilis*. De Orthographia liber // PL. Vol. 90. Col. 130.

[2] Хотя Беда приводит эти слова как равноправные, синонимы, их судьба в латинском языке была различной. *Dialogus* стал обозначением литературного жанра, тогда как *disputatio* использовалось для описания самого процесса беседы. Отсюда, например, у Беды *disputatio discipulorum de primatu* – рассуждение/спор учеников о первенстве» (In Marci Evangelium expositio // PL. Vol. 92. Col. 224), *inepta Stoicorum disputatio* – нелепое рассуждение стоиков (Super Epistolas Catholicas Expositio // PL. Vol. 93. Col. 118), *disputatio prolixa* – пространное рассуждение (Epistola ad Eusebium // PL. Vol. 94. Col. 697), также и у Пасхазия Ратберта *disputatio doctoris* – рассуждение наставника (Expositio in Evangelium Maathaei // PL. Vol. 120. Col. 33), *disputatio divinorum eloquiorum* – рассуждение/исследование Божественных речений (Expositio in Evangelium Matthaei // PL. Vol. 120. Col.482). Алкуин в своем диалоге *De grammatica* указывает на одно из условий, при которых имеет место *disputatio* – «рассуждение», а именно на *voces* – «[произносимые] слова» (PL. Vol. 101. Col. 854), т.е. подчеркивает устный характер «рассуждения».

[3] *Isidorus Hispalensis*. Etymologiarum libri XX // PL. Vol. 82. Col. 238.

[4] *Rabanus Maurus*. De Universo // PL. Vol. 111. Col. 122.

[5] Lexicon des Mittelalters. München; Zürich, 1986. Bd. 3. P. 946, 947. Не следует думать, что средневековые авторы не выделяли те черты диалога, которые вошли в современное его определение. См.: Послание Сидония Аполлинария папе Фавсту: «...труд весьма сложный, запутанный, острый, написанный высоким слогом, с заглавием, подробно передающим его содержание, полный примеров, двучастный в форме диалога, четырехчастный по изложению дел...» (St. Sollii Apollinaris Sidonii Epistolae // PL. Vol. 58. Col. 624).

торию. Даже если обратиться только к латинской литературной традиции, беря за начальную точку период правления императора Августа, можно найти немало текстов, написанных в этом жанре, и выделить его разновидности, известные писателям IX в.

Современные исследователи называют четыре разновидности диалогов – философские, полемические, дидактические и диалоги-жития, повествующие о подвигах святых[6].

Одним из наиболее читаемых античных авторов в эпоху Каролингов можно назвать Марка Туллия Цицерона. Авторитет Цицерона был весьма высок, но чаще всего он упоминается как выдающийся ритор. Так, Пасхазий Ратберт, богослов и церковный писатель времен Людовика Благочестивого и Карла Лысого, настоятель монастыря Корби, говорит о нем: «Туллий, царь латинского красноречия»[7], «Туллий.., блистательный оратор.., создал удивительный образец риторического искусства, который до сих пор восхваляется всеми и приносит пользу приверженцам этой области знания»[8]. Луп Ферьерский, современник Пасхазия, богослов, эрудит, собиратель античных рукописей, просит и своего друга Эйнхарда[9], автора «Жизнеописания Карла Великого», и папу Бенедикта III[10] прислать ему диалог «Об Ораторе». Этот же диалог цитирует и Амаларий Мецский, знаменитый литургист IX в., в своем трактате «Учреждение и жизнь каноников и монахов»[11]. Существуют, однако, и свидетельства того, что в IX в. философские диалоги Цицерона были не менее известны. Цитаты из них сохранились в богословской литературе, причем они приводятся наравне с цитатами из Священного Писания. Смарагд Сен-Мишельский ссылается на Цицероново «Об обязанностях»[12], Храбан Мавр цитирует диалог «О дружбе»[13] и «Тускуланские беседы»[14], Луп Ферьерский – диалог «О старости»[15], Клавдий Туринский – «Гортензий, или О философии»[16]. Трактат Боэция «Об утешении философией», написанный в форме диалога, был известен гораздо меньше, однако Алкуин, советник Карла и глава дворцовой школы, читал его и использовал его идеи в своем собственном диалоге, иногда называемом «Об истинной философии»[17].

Правление Карла Великого и его преемника, Людовика Благочестивого, было отмечено не только реформой Церкви, но и борьбой с пережитками язычества, с одной стороны, и с ересями – с другой. В результате войн к империи Карла были присоединены земли, населенные саксами-язычниками, что привело к написанию законов, запрещавших языческие обряды, в частности, поклонение лесным божествам и сжигание усопших[18]. В конце VIII в. в Испании распространилась ересь адопцианистов, с которыми полемизировал Алкуин. Сложным было и отношение к почитанию священных изображений, поскольку оно вызывало ассоциации с поклонением идолам.

Дискуссия за и против почитания икон началась с «Капитулярия против Собора»*, составленного Теодульфом Орлеанским в 790/791 гг. и отправленного в Рим. Папа Адриан I опроверг «Капитулярий» положение за положением, и франки осудили иконоборчество, однако споры не утихали; на

[6] Lexicon des Mittelalters. Bd. 3. P. 947.

[7] *Paschasius Radbertus.* Vita s. Adalhardi // PL. Vol. 120. Col. 1518.

[8] *Paschasius Radbertus.* Expositio in Evangelium Matthaei // PL. Vol. 120. Col. 35.

[9] *Lupus Ferrariensis.* Epistolae // PL. Vol. 119. Col. 435.

[10] Ibid. Col. 579.

[11] Symphosius Amalarius. Forma Institutionis Canonicorum et Sanctimonialium // PL. Vol. 105. Col. 835.

[12] *Smaragdus S.Michaelis.* Summarium in Epistolas et Evangelia // PL. Vol. 102. Col. 557.

[13] *Rabanus Maurus.* Commentariorum in Eclesiasticum Libri Decem // PL. Vol. 109. Col. 797.

[14] *Rabanus Maurus.* Commentaria in Ezechielem // PL. Vol. 110. Col. 509.

[15] *Lupus Ferrariensis.* Epistolae. Epistola I // PL. Vol. 119. Col. 526.

[16] *Claudius Taurinensis.* Praefatio in Commentarios Suos ad Epistolas Pauli Apostoli // PL. Vol. 104. Col. 838.

[17] *Marenbon J. from the Circle of Alcuin to the School of Auxerre.* Logic, Theology and Philosophy in the Early Middle Ages. Cambridge, 1981. P. 31.

[18] *Butt J.J.* Daily Life in the Age of Charlemagne. L., 2002. P. 108, 110.

* Имеется в виду VII Вселенский (II Никейский) Собор (787), окончательно осудивший ересь иконоборчества.

Соборе 825 г. в Париже противники священных изображений выступили вновь. С обеих сторон в полемике участвовали люди, известные как светской, так и церковной ученостью: например, отвергали иконопочитание такие богословы, как Клавдий Туринский[19] и Агобард Лионский[20], а защищал священные изображения Валафрид Страб[21]. 40-е гг. IX в. также омрачились разногласиями, в которые были втянуты лучшие богословы этого времени. В полемике о предопределении, начало которой положило учение Годескалька из Орбэ[22], участвовали Луп Ферьерский[23], Ратрамн Корбийский[24], Флор Лионский[25], соглашавшиеся с Годескальком, а их противниками были Хинкмар Реймсский[26] и Храбан Мавр[27], тогда архиепископ Майнцский, один из самых образованных людей своего времени, который объяснил ошибочность взглядов Годескалька на Соборе в Майнце в 848 г. В таких условиях интерес к полемическим диалогам и нужда в них оказались совершенно естественны.

О некоторых диалогах писателям Каролингской эпохи, возможно, было известно только из книг. Так, в «Хронике» Фрекульфа из Лизьё упоминаются диалог Иустина Философа «против иудеев, который он вел с Трифоном, главой иудеев»[28], спор Гая с монтанистом Проклом[29], «диалог Адамантия (т.е. Оригена) и Берилла»[30], епископа Босры, и, наконец, диалог Мальхиона и Павла из Самосаты[31].

Источником сведений о раннехристианских писателях и богословах Фрекульфу послужил трактат Блаж. Иеронима «О знаменитых мужах»[32]. Наиболее читаемыми и цитируемыми авторами были блаженные Августин и Иероним. Цитаты из их диалогов, направленных против ариан и манихеев (Блаж. Августин) и пелагиан (Блаж. Иероним), встречаются в сочинениях каролингских богословов[33]. «Разговор против пелагиан в лице Аттика православного и Критовула еретика» был настолько широко известен, что цитировавшему его Лупу Ферьерскому не нужно было указывать его автора или полное название. В трактате Лупа «О трех вопросах» это сочинение Блаженного Иеронима называется просто «Диалог»[34]. В «Толковании на Евангелие от Матфея» Пасхазий Ратберт с большой точностью воспроизводит отрывок из сочинения Блаженного Августина «Против Фавста Манихея», написанного в форме диалога[35].

Реформа образования при Карле Великом сделала актуальным еще один вид диалога – дидактический, который был частью повседневной жизни античной и средневековой школы. Этот вид диалога, как кажется, сохранить было наиболее трудно, поскольку беседы учеников и наставника на занятиях не записывали. На основе более позднего памятника «Латинские беседы»[36], написанного англосаксом Эльфриком Батой (конец X – первая половина XI в.), можно представить, как диалог

[19] *Brunhölzl F.* Histoire de la Litterature Latine du Moyen Age. Turnhout; Brepols, 1991. T. 2. P. 243.

[20] Ibid. P. 168.

[21] Ibid. P. 104.

[22] Ibid. P. 116–117.

[23] Ibid. P. 229–230, 232.

[24] Ibid. P. 134–135.

[25] Ibid. P. 181.

[26] Ibid. P. 200.

[27] Ibid. P. 84.

[28] *Freculfus Lexoviensis.* Chronicorum tomi duo // PL. Vol. 106. Col. 1164. (В рус. пер. диалог называется «Разговор с Трифоном Иудеанином о истине христианского закона».)

[29] Ibid. Col. 1181.

[30] Ibidem.

[31] Ibid. Col. 1186.

[32] *S. Eusebius Hieronymus Stridonensis.* De viris illustribus // PL. Vol. 23. Col. 597–720.

[33] Напр.: PL. Vol. 119. Col. 654; v. 121. Col. 294.

[34] *Lupus Ferrariensis.* Collectaneum de Tribus Questionibus // PL. Vol. 119. Col. 654.

[35] *Paschasius Radbertus.* Expositio in Evangelium Matthaei // PL. Vol. 120. Col. 37–38.

[36] *Aelfricus Bata.* Pre-Conquest colloquies. Toronto, 1998.

использовался для обучения латыни: сценки, сочиненные учителем, заучивались наизусть и разыгрывались на занятиях, а потом по их образцам составлялись новые диалоги. При этом, как и сегодня на уроках иностранных языков, ученики знакомились с разговорной лексикой, которая могла им пригодиться в паломничествах, и в то же время с определенным набором редких слов, архаизмов, грецизмов, слов книжного языка, которые использовались в торжественных случаях.

Последний вид диалога, повествования о жизни и подвигах святых в виде бесед, был также известен в эпоху Каролингов. Такие диалоги были частью чтения в келье и за трапезой. В бенедиктинском уставе, которого по большей части придерживалось монашество раннесредневековой Европы, прямо говорится: «Собеседования Святых Отцов, их изречения и жития... что другие суть, как не начертания добродетелей для добре живущих и послушливых монахов?» (гл. 73)[37] Под «собеседованиями» здесь можно понимать как патерики, повествующие о жизни египетских отцов, в тексте которых часто встречаются диалоги, так и сочинения, в название которых входит это слово, например, «Собеседования египетских отцов» прп. Иоанна Кассиана Римлянина, написанные в диалогической форме. В текстах эпохи Каролингов упоминаются два автора, чьи сочинения читались повсеместно: Сульпиций Север (363–410/429), автор диалогов о св. Мартине Турском, и свт. Григорий Великий (около 540–604). «Собеседования» свт. Григория упоминаются у Хеттона Базельского[38], в «Хронике» Фрекульфа из Лизьё[39], у Ратрамна Корбейского[40]. Валафрид Страб так пишет о содержании этого знаменитого сочинения: «“Собеседование”, в котором [св. Григорий] собрал многие свидетельства о добрых служителях [Божиих]»[41]. Сульпиций Север и его «диалог, которому он предпослал имя Галла», упоминается у Храбана Мавра[42].

В конце VIII–IX в. рядом с этим многообразием разновидностей диалога, доступных для чтения и подражания, появились новые сочинения, созданные писателями и поэтами Каролингского времени.

Впервые со времен Боэция интерес к логике и философии возник в ученом кружке при дворе Карла Великого[43]. Результатом этого интереса стали диалоги Алкуина («Об истинной философии» и «О диалектике»[44]) и его ученика Кандида (так по-латыни передавалось англосаксонское имя Хвита).

Упомянутый выше диалог Алкуина «Об истинной философии»[45] представляет собой беседу наставника и его учеников перед началом долгого периода занятий, так как цель диалога состоит в объяснении, что есть премудрость, как и для чего ее достигают. Место и время действия не указаны, но можно предположить, что беседа происходит в монастырской школе во время занятия. Ученики, слыша от своего наставника, что «философия есть наставница всех добродетелей, и среди всех богатств мира сего лишь она одна никогда не оставляла несчастным владеющего ею»[46], просят его обучить их этой науке. Наставник одобряет их намерение «искать пребывающего, а не ускользающего»[47], ибо «многая горечь примешивается к земному счастию, которое ни для кого не бывает полным или надежным»[48]. На понятных всем примерах наставник доказывает, что все преходяще в земной жизни: «Что прекраснее света? И он потемняется сменяющим его мраком. Что прекраснее летних цветов? Они, однако, погибают от зим-

[37] Цит. по: Древние иноческие уставы. Рига, 1995. С. 653.

[38] *Hetto Basileensis.* Libellus de Visione et Obitu Wetini // PL. Vol. 105. Col. 773.

[39] *Freculfus Lexoviensis.* Chronicorum tomi duo // PL. Vol. 106. Col. 1251.

[40] *Ratramnus Corbeiensis.* De Praedestinatione libri duo // PL. Vol. 121. Col. 27.

[41] *Walafridus Strabus.* De Visionibus Wettini // PL. Vol. 117. Col. 1070.

[42] *Rabanus Maurus.* Commentaria in Ezechielem // PL. Vol. 110. Col. 853.

[43] *Marenbon J.* Op. cit. P. 30–31.

[44] *Alcuinus.* De Dialectica // PL. Vol. 101. Col. 951–976.

[45] *Alcuinus.* Grammatica // PL. Vol. 101. Col. 849–854.

[46] Ibid. Col. 849.

[47] Ibid. Col. 851.

[48] Ibidem.

ней стужи. Что милее телесного здоровья? И кто твердо надеется быть здоровым вечно? Что радостнее безмятежного мира? Однако грозный трут раздоров часто разжигает [пламя вражды]»[49]. Поскольку все земное бренно, нужно не искать богатств, славы, власти, а заботиться о своей душе, украшая ее. Далее наставник приводит учеников к мысли, что душа и мудрость вечны: «Каковы суть вечные украшения души? – Прежде всего, мудрость, которой я весьма побуждаю вас учиться. – Откуда мы знаем, что мудрость вечна?.. – Считаете ли вы, что душа вечна? – Не только считаем, но и весьма точно знаем. – А разве мудрость не есть украшение и достоинство души? – Да. – ...Следовательно, видно, что обе вечны – и душа, и мудрость»[50]. С одной стороны, ученики желают обучиться мудрости, с другой – понимают, что им предстоит нелегкая работа: «...сколь прекрасна [мудрость], когда ею владеешь, столь трудна, когда ее добываешь»[51]. Наставник подбадривает их: «Какой воин увенчивается без боя? Какой земледелец богат хлебом без труда? Разве не существует старинной пословицы, что горек корень учения, плод же его сладок?»[52], – и ученики, решившись, отвечают: «Веди, направляй, куда тебе угодно, мы охотно следуем за тобой...», «Дай десницу, наставник, и подними нас из праха невежества...»[53].

Ступени, по которым восходят к мудрости, суть семь «свободных искусств», но изучение их, по мнению наставника, нужно не само по себе, а для защиты христианской веры: с помощью знаний «святые и кафолические учители и защитники нашей веры всегда превосходили всех ересиархов в публичных спорах»[54]. Эта же задача стоит и перед учениками, выслушавшими речь своего наставника. Диалог «Об истинной философии» богат риторическими средствами. Алкуин использует метафоры, сравнения, повторы, обращения, риторические вопросы, обращается к авторитету Свящ. Писания, упоминает философов и знаменитых людей античности. Диалог не только интересен по содержанию, но и привлекателен по своим литературным достоинствам.

В отличие от Алкуина его ученик Кандид-Хвита не украшает свой диалог тропами, поскольку его текст рассчитан на людей, которых не надо убеждать в обретении мудрости: они уже занимаются философией. Действующие лица не определены: в одних списках диалога они называются «вопрошающий» и «ответствующий», в других в начале реплик диалога находятся слова «вопрос» и «ответ»[55]. При этом видно, что «вопрошающий» по отношению к «ответствующему» играет роль старшего или наставника: своими вопросами он направляет ход рассуждений своего собеседника так, что тот не просто получает готовый ответ, а логическим путем почти самостоятельно приходит к правильному выводу. Где происходит разговор, не указывается. Все внимание читающего должно быть сосредоточено на содержании диалога, на движении мысли, а не на внешних признаках жанра. Целью диалога является доказательство бытия Божия: «Ты говоришь, что ты хочешь знать, есть ли Бог, скажи мне, чт? есть Бог, если Он есть. – Благо, лучше Которого ничего нет, и Сила, сильнее Которой ничего нет»[56].

Во время разговора собеседники приходят к выводу, что бытие Бога можно доказать тем, что человек одарен «способностью разумения, лучше или сильнее каковой ничего нельзя найти в природе человека»[57], но и у «способности разумения» есть свои границы. «Вопрошающий» говорит: «...подобает быть Силе, Которая обуздывает сам разум и не позволяет ему сделаться всемогущим. А он бы был всемогущим, если бы мог совершить все, чего бы ни захотел. Если же он хочет чего-либо, но не может совершить того, чего хочет, конеч-

[49] Ibidem.

[50] Ibid. Col. 852.

[51] Ibidem.

[52] Ibidem.

[53] Ibidem.

[54] Ibid. Col. 854.

[55] *Marenbon J. from the Circle of Alcuin to the School of Auxerre.* Logic, Theology and Philosophy in the Early Middle Ages. P. 154.

[56] Ibid. P. 154.

[57] Ibid. P. 156.

но, есть Сила, Которой сам разум подчинен так, что мог бы совершить не то, чего бы желал, но то, что должен»[58]. Оба собеседника согласны, что Силой, сдерживающей человеческий разум, может быть только Бог.

Хотя в период правления Карла Великого и его преемников было много крупных и мелких религиозных споров, как кажется, богословы того времени не создавали полемических диалогов. Возможно, эта разновидность диалога не получила распространения в Каролингскую эпоху потому, что разногласия по тем или иным богословским вопросам возникали быстро, вызывали мгновенную реакцию современников и находили свое разрешение в обмене посланиями. Если же заблуждения какого-то богослова начинали перерастать из частного мнения в ересь, как это было в случае Годескалька, ответ на его взгляды давал глава Церкви на общецерковном Соборе. Период конца VIII и IX в. знал множество полемических трактатов, а также посланий, которые были способом относительно быстро выразить свое мнение по какому-либо вопросу. Конечно, корпус посланий разных авторов друг другу по одному богословскому вопросу, например, относительно предопределения, можно было бы счесть за диалог, но это было бы размыванием границ жанра. Как уже говорилось выше, Алкуин как советник императора Карла вел полемику с приверженцами адопцианства. Из диалогов Алкуина один, а именно «Собеседование о риторике и добродетелях»[59] можно отнести, если не к полемическим, то к сопутствующим им произведениям. Иногда этот диалог даже называется Алкуиновой «Риторикой»[60]. Собеседниками в нем являются Карл Великий и сам Алкуин, место действия подразумевается: это скорее всего императорский дворец.

Большая часть «Собеседования о риторике и добродетелях» посвящена судебному красноречию, умению защитить свою точку зрения и опровергнуть мнение противника, что необходимо и в богословском диспуте: «...как естественно для всех защищать себя и поражать других, даже если они не обучались [владению] оружием и [военным] упражнениям, так вполне естественно для всех обвинять других и оправдывать самих себя, даже если этому упражнению они не обучались. Но с бóльшей логикой и смелостью пользуются речью те, кто научаются основам [этого искусства] и упражняются в его применении»[61]. На примерах из судебной практики Алкуин показывает, как нужно строить свою речь, чтобы выйти из диспута победителем.

Что касается дидактических диалогов, снова придется обратиться к творчеству Алкуина. Как глава школы при дворе Карла Великого он преподавал сам, но оставил нам не записи занятий, имевших место в реальности, а два диалога, создающих идеальную обстановку в средневековой школе. Начало первого из дидактических диалогов Алкуина похоже на авторскую ремарку в пьесе: «Были в школе наставника Альбина два отрока, один франк, другой сакс, которые совсем недавно проникли в терния грамматической чащобы»[62]. Такое начало вполне традиционно для позднеантичных диалогов, которые читал и брал за образец Алкуин.

Описанием места, в котором собрались герои произведения, и обстоятельств, побудивших их к разговору, начинаются, например, и диалоги Цицерона[63], и диалог Блаж. Августина «Против Академиков»[64], и «Собеседования египетских отцов»[65] прп. Иоанна Кассиана Римлянина, и диалоги Сульпиция Севера[66]. В Алкуиновом диалоге излагаются начала латинской грамматики, но делается это в виде разговора двух мальчиков в классной комнате, где присутствует и их наставник. Младший мальчик, франк, вызывает на разговор старшего, сакса: «Ну же, Сакс, я буду спрашивать, а ты

[58] Ibid. P. 157.

[59] *Howell W.S.* The Rhetoric of Alcuin and Charlemagne. L., 1941. P. 66–154.

[60] Так его называет, напр., У.С. Хоуэлл – см.: *Howell W.S.* Op. cit. P. 3.

[61] *Howell W.S.* Op. cit. P. 68–70.

[62] *Alcuinus.* De grammaria // PL. Vol. 101. Col. 854.

[63] *Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 81–82, 255–256.

[64] *Августин, блаж.* Против академиков. М., 1999. С. 25–27.

[65] *Иоанн Кассиан Римлянин, прп.* Собеседования египетских отцов. М., 2008. С. 18–19.

[66] *Сульпиций Север.* Соч. М., 1999. С. 131.

отвечай, ибо ты старше возрастом. Мне четырнадцать лет, а тебе, как полагаю, пятнадцать»[67]. Старший мальчик согласен, наставник также одобряет «остроумный замысел» своих учеников: «Сначала скажите, откуда, как вы думаете, удобнее начать вашу беседу?» – «Откуда, господин наставник, если не от буквы?»[68].

Целью диалога является заучивание «некоторых правил латинской грамотности»[69], но Алкуин стремится сделать свой диалог не только полезным, но и занимательным. В текст вводятся разговорные интонации, что также вписывается в требования жанра[70]. Так, довольно большой раздел посвящен числу имен существительных, и Сакс подробно, приводя многочисленные примеры, отвечает на вопросы младшего собеседника. Завершая свой рассказ, он говорит: «...среди всех [существительных] найдешь некие всегда в единственном числе, некие всегда во множественном; их, полагаю, должно нам опустить по причине краткости нашего занятия», на что не совсем удовлетворенный Франк отвечает: «Что ж, будь по-твоему, хоть и неохотно, но соглашусь»[71].

Ответом Франка вводится новая тема – «О фигурах [речи]». Сакс (а вместе с ним и читатель) явно утомился перечислять окончания существительных разных родов и говорит Франку: «Едва, в конце концов, освободился я на этот раз от долга, меня тяготившего (gravissimo)», на что Франк поучительно, но с юмором замечает: «Но много тебя обогатившего (gratissimo)»[72]. Объясняя новый материал, Алкуин встраивает пример, иллюстрирующий правило, в речь своего героя: «*Франк.* Что такое междометие? – *Сакс.* Ах! Что ты спрашиваешь о междометии?»[73] Чтобы исключить однообразие, ведущее читателя не к знанию, а к скуке, один из переходов к новой теме Алкуин оформляет следующим образом: «*Франк.* Я бы достаточно получил [знаний], Сакс, если бы мошки, которые живут в доме наставника, не наполняли мне уши своими вопросиками. Однако, если угодно, перейдем к другому. Только мошек также отгоню. Ты переходи, к чему хочешь, я последую за тобой туда, куда ты идешь»[74]. В соответствии с традицией[75] в Алкуиновом диалоге есть указание на время. Мальчики беседовали целый день, им пора отдохнуть; следующим утром разговор продолжается: «*Франк...* на время прервемся. – *Сакс.* Прервемся. [Наутро]. *Франк.* Поднимайся, Сакс. – *Сакс.* Чего ты хочешь, Франк? – *Франк.* Хочется мне, чтобы ты мне объяснил правила причастий. – *Сакс.* Объясню»[76]. Диалог Алкуина, как уже упоминавшиеся выше «Латинские беседы» другого англосакса Эльфрика Баты, способствует не только усвоению правил латинской грамматики, но и развитию навыков устной речи.

Действующими лицами второго диалога, написанного Алкуином, являются сын Карла Великого Пипин и сам Алкуин[77]. Можно предположить, что они беседуют во дворце или даже в помещении придворной школы, если для нее выделялись отдельные покои. Как и диалог Франка и Сакса, беседа Пипина и Алкуина начинается с вопроса ученика: «Что такое буква?»[78] Однако вместо того, чтобы объяснить, почему беседа должна начинаться именно с буквы, и дать ей понятное и запо-

[67] *Alcuinus.* De grammaria // PL. Vol. 101. Col. 854.

[68] Ibidem.

[69] Ibidem.

[70] См. отсылки на тексты, указанные в сносках 64–67.

[71] *Alcuinus.* De grammaria // PL. Vol. 101. Col. 867.

[72] Ibid. Col. 866.

[73] Ibid. Col. 901.

[74] Ibid. Col. 870.

[75] Напр.: *Цицерон.* Указ. соч. С. 82; *Августин, блаж.* Указ. соч. С. 97; *Сульпиций Север.* Указ. соч. С. 167.

[76] *Alcuinus.* Op. cit. Col. 889.

[77] Pipini regalis et nobilissimi juvenis disputatio cum Albino scholastico // PL. Vol. 101. Col. 975–980; сокращенный перевод: Словопрение высокороднейшего юноши Пипина с Альбином Схоластиком // Памятники средневековой латинской литературы: VIII–IX века. М, 2006. С. 127–130.

[78] Словопрение высокороднейшего юноши Пипина... // Памятники средневековой латинской литературы: VIII–IX века. С. 127.

минающееся определение, наставник Алкуин отвечает при помощи метафоры: «Страж истории»[79]. В вопросах и ответах есть логика, но складывающийся из них текст ни в коей мере не походит на диалоги Алкуина о латинской грамматике или о риторике: «Что такое слово? – Изменник души. – Что такое язык? – Бич воздуха. – Что такое воздух? – Хранитель жизни. – Что такое жизнь? – Счастливым радость, несчастным горе, ожиданье смерти»[80]. Собеседники говорят о том, что такое человек («Раб смерти, мимоидущий путник, гость в своем доме»[81]), каковы условия его жизни (живет, «как лампада на ветру»[82]), как служит ему его тело (например, глаза – «вожди тела, сосуды света, истолкователи души»[83]), после чего сразу переходят к вселенной, к явлениям природы, окружающим человека[84].

Метафорическое описание человека и вселенной приводит на мысль кеннинги, т.е. описательные выражения, представляющие собой словосочетания, где одно из существительных стоит в именительном падеже, второе в родительном. Такие описательные выражения, заменяющие названия предметов или людей, характерны для англосаксонского поэтического языка. Вторая часть диалога представляет собой отгадывание загадок[85]. Загадка как жанр свойственна, вероятно, всем литературам, однако именно англосаксонская литература, начиная с VII в., оставила нам много примеров загадок как на народном языке[86], так и на латыни[87]. Если разговор Франка и Сакса представляет собой пересказ основ латинской грамматики, то диалог между Пипином и Алкуином сохраняет для читателя основы германской культуры, народные представления о человеке и его месте во вселенной.

Интересное развитие в эпоху Каролингов получила разновидность диалогов о святых. Два из трех известных сегодня диалогов написаны в стихотворной форме и имеют черты, сближающие их с жанром эклоги (наличие тем, лексики, «общих мест», типичных для буколического жанра). Собеседниками в стихотворных диалогах стали не философы, не монахи-отшельники, желающие извлечь духовную пользу из рассказов о жизни святого, а поэты, авторы стихотворений, и Музы. Героями стихотворных диалогов являются реальные исторические лица, и их жизнь представлена на фоне эпохи. Целью диалога оказывается прославление церковного или светского правителя.

Первый стихотворный диалог, эклога «Эти стихи королю Карлу – Ирландский Изгнанник», написан ирландцем Дикуйлем в 788 или 789 г. Стихотворение Дикуйля посвящено событиям 787 г., а именно восстанию Тассилона, герцога Баварского (748–788), против Карла Великого. В стихотворении Дикуйля действие происходит во дворце Карла, возможно, в зале, где принимают послов. Главной темой стихотворения является прославление Карла, победившего восставших баварцев и восстановившего мир в пределах империи. Согласно Дикуйлю, мир нарушил не человек, который послужил всего лишь орудием, но «полный соблазнов /скользкий/ неверный тот змий»[88], который почти от сотворения мира побуждает людей ко греху – гордыне, братоубийству, неповиновению. Именно происки «древнего змия», а не желания Тассилона, являются причиной войны. Герой стихотворения – император Карл – предстает перед читателем как благородный человек, сам не знающий, что такое вероломство и не верящий, что кто-то из его приближенных способен на предательство. Именно такой человек, по мнению поэта, может выйти на борьбу с

[79] Там же. С. 127.

[80] Там же.

[81] Там же.

[82] Там же.

[83] Там же. С.128.

[84] Там же.

[85] Там же. С. 129–130.

[86] Загадки // Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 44–56.

[87] Винфрид-Бонифаций. Из «Загадок епископа Бонифация, которые он послал своей сестре» // Памятники средневековой латинской литературы: VIII–IX века. С. 61–65.

[88] Poetae Latini Aevi Carolini (далее – PLAC). Berlin, 1964. Vol. 1. P. 397.

«завистливым змием»[89] и его слепым орудием, Тассилоном. Интересно, что Дикуйль не дерзает называть Карла по имени, для него Карл – «высочайший правитель», «король»[90]. По имени Карла может называть лишь Муза, которой позволено славить «Создателя мира».

Второй стихотворный диалог, «Об изображении Тетрика»[91], который также можно считать эклогой, был написан в 829 г. Валафридом Страбом. Действие происходит во дворце Людовика Благочестивого, сына и преемника Карла Великого. Все герои, кроме самого поэта, носят имена-символы. Так, собеседница Валафрида зовется Сцинтилла, т.е. Искра. Возможно, здесь прослеживается связь с искрой Божественного Огня, душой. Валафрид и Сцинтилла видят статую остготского короля Теодориха, которую Карл Великий перевез из Равенны в Аахен, где она была установлена в фонтане в одном из двориков императорского дворца. Теодорих называется в беседе поэта и его музы Тетриком. Это имя, с одной стороны, было созвучно имени знаменитого правителя, с другой – напоминало латинское прилагательное *taeter* – черный, темный.

Говорящее имя правителя прежних времен позволяет собеседникам обратиться к теме тирании и справедливого правления и восхвалить своего современника – императора Людовика Благочестивого. Находясь в императорских покоях, поэт и Сцинтилла описывают всех, кого они там видят, выводя их под говорящими именами, которые намекают на определенные качества. Первым, конечно, они встречают самого Людовика, «великого Цезаря», которого Валафрид называет Моисеем – «великим среди народа», который ведет «свой народ сквозь свет, как только тьма была удалена». В его время наступили «века, которые древние поэты назвали золотыми». Правитель «золотого века» отличается «благостью» в отличие от тех, кто наслаждается «тиранией», и главная его заслуга в том, что он строит новые храмы и предлагает всем «дары Христовы», сообщенные ему. Значение его для народа таково, что Валафрид восклицает: «[Старый] Моисей всего лишь тень, ты [Новый Моисей] имеешь вещество». Члены семьи Людовика также носят аллегорические имена. Старший сын, Лотарь, «величайшая надежда священного королевства», скрывается под именем Осия («наследник с пророческим именем, / Который не испытывает недостатка ни в славе, ни в добродетели, ни в чести»), средний, Людовик, получает имя Ионафан. В Ветхом Завете Ионафан был другом Давида, так и Людовик должен стать верным другом и союзником старшего брата. Лотарь не может получить имя Давид, поскольку оно, вероятно, прочно связано с личностью его великого деда Карла, но и имя Осия – говорящее (др. евр. – избавление, спасение). Аллегорическими именами для императрицы Юдифи и младшего сына Людовика Карла становятся Рахиль и Вениамин. Поэт прославляет доброго государя, его детей, в особенности маленького Карла, а также его мать-императрицу. Сравнивая тирана Тетрика и справедливого правителя Людовика-Моисея, поэт рассуждает о причинах гибели и расцвета государств.

Прозаический диалог, созданный Пасхазием Ратбертом, резко выделяется на фоне всей латинской прозы Каролингского времени. Первую часть его он написал около 836 г., а вторую в конце 40-х – начале 50-х гг. IX в.[92]. Название диалога – «Эпитафия Арсению»[93] – сразу указывает, что целью произведения является воспоминание о жизненном пути умершего, его посмертное прославление. Главный герой произведения выведен под именем Арсений, но это реальное историческое лицо, это старший современник беседующих, граф Вала, неоднократно упоминавшийся и Пасхазием (например, в Прологе к «Книге о Крови и Теле Господнем»[94]), и другими авторами этой эпохи. Вала, двоюродный брат Карла Великого, пользовался дове-

[89] Ibid. P. 399.

[90] Ibid. P. 396.

[91] *Herren M.* The «De Imagine Tetrici» of Walahfrid Strabo: Edition and Translation // The Journal of Medieval Latin. 1991. № 1. P. 111–131.

[92] Introduction // Charlemagne's Cousins. Contemporary Lives of Adalhard and Wala / trad., intr., notes by A. Cabaniss. N.Y., 1967. P. 3.

[93] *Paschasius Radbertus.* Epitaphium Arsenii, seu vita Venerabilis Walae abbatis Corbiensis in Gallia, duobus libris scripta dialogico modo // PL. Vol. 120. Col. 1557–1650.

[94] *Paschasius Radbertus.* Liber de Sanguine et Corpore Domini // PL. Vol. 120. Col. 1264, 1318.

рием своего родственника, в частности, среди других высокопоставленных мирян и клириков заверил своей подписью его завещание[95], но и при Людовике Благочестивом играл важную роль в жизни империи[96]. О значении Валы для Франкии IX в. в историческом сочинении «Жизнь императора Людовика» сказано, что он принадлежал к таким людям, «с уходом которых... знать [Франкии] осиротела и обессилела, будто ей подрезали жилы, и оскудела разумом»[97]. Вала не один скрывается под именем-символом. Как и в стихотворном диалоге Валафрида Страба, упомянутом выше, все собеседники, кроме автора, и все второстепенные герои произведения выступают под вымышленными именами, указывающими на их особенности. Место, где происходит беседа, прямо не указано, но в авторской ремарке перед началом текста сообщается, что все собеседники принадлежат к братии Корби («монахи Корбейские»[98]), следовательно, действие происходит в этом монастыре.

«Эпитафия Арсению» состоит из двух книг, написанных с разрывом в пятнадцать или более лет. Форма ее приводит на мысль одновременно и произведения Цицерона, творчество которого Пасхазий отлично знал (например, упоминавшийся выше диалог «Об ораторе», включающий в себя три книги), и «Собеседования» свт. Григория Великого в четырех книгах. С другой стороны, полное название Пасхазиева сочинения включает в себя слово «vita» – «житие/жизнеописание» и словосочетание «dialogico modo» – «в образе диалога». В центре диалога стоит человек, современник автора. Он не канонизирован, но описание его жизни отсылает читателя к агиографической литературе. В Европе IX в. были известны жития, разделенные на книги, которые в свою очередь делились на главы. Они были типичны для ирландской житийной традиции, а при дворе и Карла, и Людовика было много ирландцев. Примером такого жития может стать анонимное «Житие св.Катберта», которое переписывалось вместе с житием того же святого, созданным Бедой Досточтимым, а также не менее известное «Житие св. Колумбы» Адомнана[99].

В беседе можно выделить несколько тем, главной из которых является жизнь Валы-Арсения. Рассказ о жизни главного героя строится по житийному канону, восходящему к античной похвальной речи. Один из участников беседы, Адеодат, просит Пасхазия: «Хотелось бы мне, чтобы ты более полно воскресил в памяти первые шаги столь великого мужа с его отрочества»[100], и его желание исполняется. Собеседники говорят о юности Валы, о его любви к наукам[101], о том, каков он был, когда стал монахом[102]. Бóльшая часть второй книги посвящена смутам Людовикова правления и страданиям, как физическим, так и моральным, которые они причиняли справедливому и честному Арсению[103]. Однако рассказ о жизни героя иногда тонет в отступлениях, которые, безусловно, интересны сами по себе и логически связаны с событиями его жизни, иллюстрируют их.

Пасхазий недаром упомянул в заглавии своего сочинения «образ диалога». Весь текст его сочинения, разбитого на прологи, книги и главы, состоит из реплик разной протяженности. Беседа, созданная Пасхазием, столь сложна, что в ней можно увидеть все разновидности диалогического жанра, известные и авторам, и читателям IX в. Так, рассуждения беседующих о том, «что есть верность истинная по отношению к ближнему, и какова обещанная господину верность, которую должно сохранять»[104], о добродетели[105], о памяти и любви к ближним[106] сближают «Эпитафию

[95] *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого / пер. М.С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 34.

[96] *Аноним*. Жизнь императора Людовика / пер. А.В. Тарасовой // Историки эпохи Каролингов. С. 51–52,63, 84–85; *Нитхард*. История в четырех книгах / пер. А.И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов. С. 100.

[97] *Аноним*. Указ. соч. С. 85.

[98] *Paschasius Radbertus*. Epitaphium Arsenii... // PL. Vol. 120. Col. 1559.

[99] *Ненарокова М.Р.* Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. М., 2003. С. 88–89.

[100] *Paschasius Radbertus*. Epitaphium Arsenii... // PL. Vol. 120. Col. 1571.

[101] Ibid. Col. 1572.

[102] Ibid. Col. 1578–1587.

[103] Ibid. Col. 1609–1613, 1614–1621.

[104] Ibid. Col. 1567.

[105] Ibid. Col. 1577–1578.

Арсению» с философскими диалогами. Время от времени собеседники вспоминают случаи из жизни Арсения-Валы, когда ему приходилось страдать от непонимания и клеветы. Они встают на его защиту и при помощи выстроенной системы доказательств обеляют его имя[107], как если бы они выступали в суде. Подобные отрывки приводят на мысль полемический диалог, хотя, как говорилось выше, эта разновидность диалога не получила распространения в эпоху Каролингов. Тем не менее Пасхазий хорошо знал подобные сочинения и сам однажды был вынужден участвовать в полемике, которую вызвала его «Книга о Крови и Теле Господнем»[108]. Когда собеседники выявляют точные значения слов или раздумывают, как можно понять цитату из Виргилия[109], их разговор напоминает о занятиях в средневековой школе и о дидактических диалогах.

«Эпитафия Арсению» может рассматриваться как синтез разновидностей не только одного жанра, но и разных жанров. Так, горюя об умершем настоятеле, Пасхазий обращается к Арсению с речью, напоминающей молитву, которая начинается так: «...мой отец Арсений, мы радуемся твоей участи, утешаем себя своей; ибо мы дерзнули допустить, что ты достиг блаженства, на которое надеялся, и верим, что твои заслуги помогают нам оттуда»[110]. Некоторые места «Эпитафии» могут быть названы хриями, т.е. с рассказами о неком действии героя и его высказывании, соединенном с этим действием, причем эти рассказы поучительны[111]. Таков краткий рассказ Пасхазия о том, как Арсений и его брат Адальхард, выведенный под именем Антония, посетили некое собрание, где присутствующие обращали внимание более на Арсения, чем на его спутников. Антоний, видя такой успех младшего брата, сказал с улыбкой Пасхазию: «Мы вполне можем уйти отсюда, брат, ибо никто здесь не обращает внимания ни на нас, ни на что-либо еще»[112], – чем преподал тому, а вместе с ним и читателю, урок величайшего смирения.

Разговор Арсения с императором и придворными, помещенный в начало второй книги, несет в себе черты «зерцала», трактата об управлении государством, обращенного как к церковным, так и к светским правителям[113]. Бóльшая часть второй книги «Эпитафии» напоминает исторические произведения эпохи Каролингов с той только разницей, что события описываются менее подробно, и исторические лица скрыты за именами-символами. Возможно, именно такая сложность и неопределенность с точки зрения жанра привела к тому, что Пасхазиева «Эпитафия Арсению» стоит особняком в истории раннесредневековой латинской литературы.

Из вышесказанного видно, что культурная среда эпохи Каролингов не только способствовала сохранению античного литературного наследия, но и развивала античные жанры, приспосабливая их к нуждам времени. Считая себя продолжателями традиций Рима Августа, образованные клирики и миряне творчески относились к правилам написания того или иного текста и потому могли, оставаясь в рамках жанра, создавать интересные и необычные произведения, примером чему является жанр диалога.

---

[106] Ibid. Col. 1592.

[107] Ibid. Col. 1587–1592.

[108] *Brunhölzl F.* Histoire de la Litterature Latine du Moyen Age. Turnhout; Brepols, 1991. T. 2. P. 127–128.

[109] *Paschasius Radbertus.* Epitaphium Arsenii... // PL. Vol. 120. Col. 1578, 1627–1628.

[110] Ibid. Col. 1570.

[111] *Progymnasmata.* Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric / trad., intr., notes by G.A. Kennedy. Atlanta, 2003. P. 15.

[112] *Paschasius Radbertus.* Epitaphium Arsenii... // PL. Vol. 120. Col. 1590.

[113] Ibid. Col. 1609–1612.

Приложение

Надгробное слово Арсению, или Житие досточтимого аввы Валы, настоятеля монастыря Корби, что в Галлии*

Книга 1

Собеседники: Пасхазий, Адеодат, Север, Хрем, Аллабиг, монахи Корбейские

Введение

Пасхазий:

Часто, пребывая в молчании наедине с собой, брат Север, я весьма удивляюсь тому, что нового приключилось с нашим Адеодатом. Ибо, когда окончилось время столь великого оплакивания, побуждаемый тобою, как я полагаю, он, по реченному Мароном, снова велит испытать несказанную боль[114]. Он просит в общих чертах живописать, подобно Зевксиду**, жизнь нашего Арсения, чтобы он не был забыт в веках. Он недостаточно помышляет о том, что я, отвратительный художник, стыжусь представить потомкам портрет столь великого мужа, славный цветами его добродетелей, в зерцале словесности, чтобы мне не явиться еще более отвратительным. Однако, хотя многое приводит меня в смятение, свойственно утешаться тем, что я прославляюсь заслугами его добродетелей, даже если не смогу отыскать какое-нибудь достойное начало этих дел. Потому я начну рассказывать частью то, что видел своими глазами, частью то, что принял слухом и более полно постиг умом.

Север:

Удивительно, что ты удивляешься, человече, если стыдишься передать его образ, прекрасный честностью обычаев, которому ты должен был бы подражать, и, как говорят, восстановить облик духовного отца; хотя и я связан такими же обетами ученичества. Нет ничего более робкого и более малодушного, чем не чувствовать того, о чем скорбишь, или не дерзать плакать о том, какие несчастья тебя угнетают.

Пасхазий:

Я приложу все усилия, попробую сделать то, к чему ты меня побуждаешь, Север, так как никто не может испытать боль, не зная, от чего он страдает; нет никого, кто не застонал бы в муках. Потому лучше душа моя здесь разлучится с телом, чем я возлюблю это страдание, и я лучше нарушу обещание, данное тому, для кого это было важно.

Адеодат:

Лучше духом повторить лучшие из добродетелей ушедшего плотью, чтобы добродетель, которая, казалось, погибла, расцвела в нас вновь. Ибо добродетели всегда цветут и зеленеют в награду. Они не умирают в человеке, если их не губит порок, хотя они и могут погибнуть или ослабеть. Твердое упование и утешение веры и надежды состоит в том, чтобы ожидать, что человек, кого вы хорошо знали, скончался в Боге, и обеты любви обязывают нас подражать усопшему и почитать его; не то мы будем подобны разве что пуху, который носим ветром и чужд долгу. Но так как такие люди были прежде нас, подобает верить, что они скорее находятся у Того, Кто говорит: «И всякий живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» [Ин. 11: 26]. Вследствие чего их не следует оплакивать как умерших, к ним следует обращаться с молитвой как к покровителям.

Пасхазий:

Опустим вот это, мой брат и сыны. Ибо да будет так, чтобы мы сделались достойны этих даров Святого Духа, украсившего Арсения всяческими цветами добродетелей. Но опасаюсь, как бы, заботясь о том, чтобы угодить вам, мне не оскорбить многих. Разве ты не знаешь, Север, что время нашей несчастной жизни сделало из Арсения второго Иеремию? Сколь часто, помнится, я слышал и

---

* Перевод осуществлен по: PL. Vol. 120. Col. 1559–1577.

[114] «Боль несказанную вновь испытать велишь мне, царица!» (*Публий Вергилий Марон*. Энеида. II, 3 // *Публий Вергилий Марон*. Буколики: Георгики: Энеида. М., 2007. С. 163).

** Зевксид – знаменитый греческий живописец IV–V вв. до н.э.

сам, как Арсений, проливая слезы, восклицал: «Горе мне, мать моя, зачем родила ты меня, мужа раздора, мужа несогласия во всей земле?» [Иер. 15: 10]. И над могилой, причиной появления которой стало наше время, ты просишь сочинить плач, а именно надгробное слово, по обычаю древних оросить могилу слезами, и ныне, когда утихли споры и несогласия, ты желаешь, чтобы из пепла был разожжен пожар опустошительной силы. Не видишь ли, Север, что до сих пор по всей земле все возгорается пламенем желаний и все разоряет ненасытная завистливая злоба.

Север:

Вижу ясно, так как, по реченному в Апокалипсисе, большая гора, пылающая огнем [Откр. 8: 8] перед нашими очами, послана в море сего злого века, поскольку наши грехи возросли; и звезда с неба великая, горящая подобно светильнику [Откр. 8: 10], упала и превратила умы людей в раскаленные угли. Отвечая им, этот вот Арсений, несущий мир Христов, весьма желал погасить их пламя; но так как грехи совершались неизбежно, горечь полыни повсюду победила сладость столь великого мужа, и он не смог пересилить дурную волю людей.

Пасхазий:

Как полагаю, ты никоим образом, клянусь Геркулесом, не сомневаешься в его совести? Но, поскольку твои слова возвращают меня в прошлое, вспомню, что я видел это во сне прежде, чем оно случилось. Ибо я видел издали, словно бы гору, собранную из древесного вещества, почти до облаков объятую пламенем. Стоя пред этой горой, не знаю кто, высокого роста, старался ворошить все уже сгоревшие ветки, чтобы посмотреть, не загорятся ли они снова; конца таковому пожару нельзя было увидеть. Думается мне, сон этот предвещал происходившие позже события.

Север:

Как вижу, наш Адеодат старался составить надгробный плач, а ты, наоборот, желаешь возбудить смех. Кроме того, если [бы] только ты не заснул, ты одобрил бы сказанное мною, ибо ты сам это видишь, не сомневаясь и не погружаясь в сонные видения. Ныне же я хочу, чтобы ты проснулся и приступил к тому, о чем мы просим.

Адеодат:

Ты, Север, часто пользуешься уловкой Хрисиппа*, и отменные качества своей речи устраняешь еще шутливо остротой. Прошу тебя не действовать сурово, как предписывает тебе твое имя; и даже более того, совещайся с нами, чтобы мы создали образ отца умеренным слогом.

Север:

Мне нравится то, что ты предлагаешь. Но, думаю, образ жизни того, кто в своих деяниях воплотил добродетельную жизнь многих славных мужей, не будет воссоздан в полноте от лица одного человека. Ибо мне казалось, что настоятелю Арсению была присуща смесь обычаев; то он воплощал в себе образ отца Бенедикта, а иногда, как мы уже наблюдали, весьма упорно исполнял служение Иеремии с челом, подобным алмазу [Иер. 17: 1], в то время как он был кроток духом и наиболее миролюбив из людей.

Пасхазий:

Во всяком случае ты показываешь, что в своей памяти, покуда она не прейдет, ты запечатлел Арсения пером преданности, что, согласно Апостолу, во всех отношениях полезно [2Тим. 3: 16]. Однако, если я захочу в этом вот тебе последовать, едва ли кто – или редкий человек – поверит мне.

Адеодат:

«Кто удалял когда-либо свидетелей от пишущего историю? Если будет необходимо»[115], найдутся многие весьма доброчестные мужи, которые поклянутся, что твои утверждения истинны; потому довольно недостойно избегать друга истины и из страха обходить молчанием нечто истинное перед теми, кто ищет истину.

Пасхазий:

Разве ты не читал, что дело, которое не имеет завершения, требует усилий? Итак, ты хорошо знаешь, сколько раз истина попиралась и свергалась с этих же престолов. Потому, даже если я докажу, что в наше время никто лучше не воплощал в себе образ отца Бенедикта**, если и это вот солнце, которое все видит, стало бы свидетелем мне, редкий

---

* Хрисипп – (около 280 – около 204 до н.э.), греч. философ, стоик.

[115] De morte Claudii Caesaris Ludus vulgo dictus Apocolokyntosis // L'Anneai Senecae opera Omnia / ed. M.N. Bouillet. Vol. 2 Parisiis, 1827. P. 264.

** Имеется в виду св. Бенедикт Нурсийский (около 480 – около 550), один из основателей западноевропейского монашества.

человек стал бы слушать меня, хотя я не погрешу против истины.

Адеодат:

Не верю, чтобы дело осталось без завершения, если оно несет в себе чувство любви и благоговения. Потому уместно, если еще и замолчат недоброжелатели, на короткое время открыть чувство любви, которое обильно вскармливается слезами, омывается плачем, обновляется пристальным созерцанием того, кого любишь, и по крайней мере осыпать цветами рыданий могилу столь великого отца.

Пасхазий:

Ты говоришь разумно и побуждаешь нас весьма благочестиво провожать со слезами святую жертву Божию и Богу угодную в небесные чертоги; не потому, что таков он жил среди нас, но потому что такового лишились, и, отягощенные грехами, ему еще не в состоянии сопутствовать. Но если верна та древняя пословица, что лишь несчастие не имеет завистников, тогда его охотно одарим молитвами. Ныне же я узнал, что великая зависть неких людей причастна и к нашим слезным несчастиям и протягивает руки, чтобы дать ложные клятвы, в особенности порицая Арсения, из чего сплетается молва.

Север:

Именно это я отметил выше. Мне кажется, что Пасхазий перенес сонную болезнь. Разве не говорил ты, что собираешься живописать образ жизни и слагать словно бы историю деяний; ныне же нам приносишь молву.

Адеодат:

Удивительно, Север, что ты пользуешься всегда столь привычными остротами. Ибо мне кажется, что молву передают не тебе, но тем, кому все, что подтверждается истиной, суть сплетня и игра. А историю Арсения ты читаешь в своем сознании, потому тебе объявляется не сплетня, но истина.

Пасхазий:

По праву, Адеодат, делаешь, утомляя его просьбами, а если угодно, и мольбами. Но что сделают невежды, если нас обвиняет знающий? Или ты не читал, что некогда сообщило повествование язычников, как некто видел Друзиллу, восходящую на небо[116]? Возможно, он расскажет также, что он видел, как Арсений восходил к небу. Потому, если сами себе не верите, спросите сего знающего, хочет он или не хочет, он, может быть, расскажет, что происходит в небесах, ибо божественному мы не верим. Если его спросите, хотя бы одному расскажет; перед многими, как считаю, он никогда не вымолвит ни слова. Ибо здесь происходит подобное тому, как очевидец, рассказывавший в Сенате, что он сам видел, как Друзилла восходила на небо, после того как принесенному им благому известию никто не поверил, дал твердое обещание, что он больше ничего никому не скажет, что бы ни увидел, даже если он наткнулся бы на площади на убитого человека.

Адеодат:

Думаю, что ты приводишь свои доказательства более робко, чем это полезно. Не думаешь ли ты рассказать нечто такое, что всем бы равно понравилось, и все бы этому поверили? Итак, какая весть может быть славнее, или блаженнее и (что более всего) правдивее, чем та, что Христос Победитель из преисподней плотию взошел на небо и всем желающим идти за Ним уготовал путь, оставил открытыми двери, отпустил грехи, подал благодать и дал возможность делать что-то по вере? Но что же это такое, во что некие верят, чему многие делами противоречат, и к чему немногие приходят? Где сияют чудеса, собрались примеры праотцев, и славословия пророков, словно перстом указывают на сотворенное, стихии мыслят, ангелы служат и проповедуют? Конечно, об этих обещаниях и речах [небожителей] свидетельствуют все апостолы, еще свидетели мученики Христовы, свидетели бесчисленные исповедники и девы, чудеса веры которых свидетельствуют их заслугами. Не на что жаловаться, когда столь великие славословия и свидетели о столь доброй вести вменяются ни во что, когда очень многие не поверят прославлению своего спасения, и есть такие, которые помышляют лишь о своем земном благополучии.

Пасхазий:

Верно речение Соломона, что железо железом острится [Притч. 27: 17]. Так и ты, мой брат, друзей, которых любишь, часто побуждаешь к тому, чтобы они возрастали в любви. Потому преданно последую, куда бы ты ни повел; однако берегись того, что там, где нет успеха, нескоро открывается смысл спасения.

Глава 1

Адеодат:

Прошу, открой, каково тесто обычаев, из которых создается неизменный внутренний человек, ибо Арсений почти всем был весьма известен в ли-

[116] De morte Claudii Caesaris Ludus vulgo dictus Apocolokyntosis // L'Anneai Senecae opera omnia. Vol. 2. P. 266.

цо и по происхождению, или с кем, как упоминает Север, его должно сравнивать.

Пасхазий:

Истинно то, что с юных лет возрастала известность и слава Арсения на военной службе и на высоких должностях в миру. Ибо Арсений был двоюродным братом величайшему из Августов [т.е. Карлу Великому], и ему более прочих приятен, в речи правдив (как говорится о том муже, чей прах, недавно к нам перенесенный, просиял столь великими зарницами чудес), в суждении справедлив, осмотрителен в совете и верен во врученной тайне. В сенате он имел силу пред прочими благодаря умственным способностям, и, если его спрашивали о трудностях каких-либо дел, он тотчас же, в эту же минуту, без какой-нибудь отсрочки изливал, словно бы из источника совета, речи, лучше которых ничего нельзя было сказать или изобрести. И была в Арсении, кого отличали и доброта, и благородство обычаев и происхождения, высшая добродетель нашего времени, влиятельность, приумноженная благодаря многим вещам. Мудрость украшала его, так что он преуспевал в божественном, в то время как прочих превосходил и в человеческом. У Арсения были весьма скромные способности к красноречию на двух языках, которое чаще всего помогает мудрости, и к сокровищам ораторского искусства, которые убеждают людей в чем угодно. Так как он противился такого рода «добру», он был любим всеми.

Адеодат:

Хочу, чтобы ты открыл мне, почему он вздыхал, что он рожден мужем раздора и мужем разногласия, если он был таков, когда ты говоришь, что в то время все его любили.

Пасхазий:

Я признаю, что его ревность о благочестии возросла, и подвиги во славу благодати увеличились. Ибо он не знал еще бедствий государства нашего времени, радуясь его возрастанию. И потому Арсений более стремился к надежным союзам со знатными людьми и к незыблемой дружбе с простыми людьми, чем, согласно Иеремии, оплакивать ущерб в делах и прегрешения, которые еще не до такой степени возросли*. Разве ты не знаешь, Адеодат, что муж добрый имеет более попечение не о себе, а о согражданах и родине? Также ты знаешь, что Сципион** и прочие мужи того времени переносили ненависть и различные смертельные опасности за величайшие благодеяния отчизне и подвиги, совершенные ради нее.

Глава 2

Адеодат:

О горе! Почему бесчисленное множество ищет низменных вещей! О если бы не встречалось мне таковое среди благочестивых мужей нашего времени! Ныне прошу, расскажи, как он пришел в монастырь.

Пасхазий:

Поистине слава века сего никогда не существует без зависти, ни процветание – без опасности навлечь какое-нибудь несчастье; но муж добродетельный и то, и другое употребляет к спасению. Потому, когда Арсению стали докучать козни некоторых людей, и он увидел, что бесстыдство неистовых заняло неподобающий престол, и что лукавые занимают места искусных, и люди самого незначительного происхождения ниспровергают известнейших народу и благонастроенных мужей, он нашел, что пришло желанное время удалиться от мира, поскольку прежде дал обет Богу в душе. Итак, когда он узрел, что таковые скорее употребляют власть против мудрых, и превосходят их, и, в оценке черни, считаются достойными, он предсказал, что народу предстоят многие тяготы и многие несчастья. Тогда же, несмотря на противодействие многих, он без сожаления отказался от мира и мирских соблазнов, сколько бы их ни было, принадлежа миру, но не любя его.

Воспламенившись Божественной любовью, Арсений оставил все и устремился в киновию, где научали монахов, чтобы он был вед?м не своими, но Христовыми законами и Божественным Духом. Ибо он читал, что те, кто водим Духом Божиим, суть сыны Божии [Рим. 8: 14], и потому действительно предпочитал во всем не себя, но Христа. Где и как он жил, спроси Севера, так как мне, пока я заботился слушать ваши речи, легче было переносить то, что я терплю. Ныне же вдруг, оттого что

* Имеется в виду Плач Иеремии.

** П. Корнелий Сципион (235–183 до н.э.), принимал участие во 2-й Пунической войне, был проконсулом, затем консулом Испании; решил в пользу Рима исход битвы при Заме (202) и тем самым всей войны; цензор, консул, принцепс Сената; подвергался нападкам со стороны врагов, утверждавших, что он нарушил республиканскую конституцию.

я кратко рассказал о том, кого видел и рядом с кем был, я заново ощутил недавнюю скорбь, которая, как я думал, отошла. Потому я замолчу на недолгое время, пока глаза мои не найдут источника слез и не низведут воду; ибо далеко отошел от меня мой утешитель, обращающий к себе мою душу. И так, далеко отошел, ибо ушел отсюда к Господу, истомленный великой усталостью от несчастий, которые он принял за народ и Христову веру; весьма многие терзали его своим злословием, когда Арсений был готов к смерти, и нет из нас никого, кто бы этого не знал. Ибо они поступили так, словно произносили на Арсения это речение Иеремии: «Пойдите, проткнем его язык, и не выпустим в мир речи его» [Иер. 8: 18]. Удрученный таковым великим отвращением к себе этих людей, Арсений устремился здесь, в этой жизни, при помощи Всевышнего и под покровом Бога Небесного. А в такое место пребывания, куда никто из неистовых недругов не мог прийти. Но в то время как он позаботился о себе, нас в то же время оставил одинокими и исполненными слез. Потому «волнуется во мне внутренность моя, изливается на землю печень моя» [Плач. 2:11] из-за отсутствия столь великого отца, и не в состоянии я вновь различить его образ за слезами. Но, плача, буду плакать, пока не истают очи, чтобы хоть так, лишившись столь великого утешителя души, я утешился своими несчастьями.

Север:

Умоляю, ненадолго успокойся от плача, чтобы вновь не пришли в движение внутренности от рыданий. Мы не можем удалить того, что знаем. Но прежде чем очи покроются мраком, пусть изображение его обычаев напишется красивыми красками, пусть только лишь воспоминание светлого лика откроет теплые истоки слез, и в то время как он в ликовании взирает на нас с высоты, мы издадим рыдание, с одной стороны, все же радуясь, с другой – печалясь; с одной стороны, грустя, с другой – ликуя; с одной стороны, также потеряв надежду, с другой – воспрянув духом; поскольку даже если свойственно скорби то, что мы его лишились, радости должно быть свойственно, что его, столь великого, предпослали заступником в небесные чертоги. Разве вы не знаете, сколь много тот Иеремия, символом которого был этот вот муж, защищает молитвой, только лишь поднявшись к звездам, хотя он и был в брошен в яму, полную грязи [ср.: Иер. 38: 6]?

Даже если он неустанно изливал молитвы Богу за тех, за которых ему было запрещено во время его жизни молиться и приносить хвалы, что, ты думаешь, этот вот муж будет делать за тех особенно любимых своих сыновей, которых он столь внезапно оставил одинокими? Ибо мы читаем сказанное о нем: «Он любит братий, Иеремия пророк Божий, он тот, кто молится за народ и город Иерусалим, для всех святой» [2Мак. 15: 14]. Если даже он, хотя ему было запрещено, принял на себя молитву и хвалу за город и народ, который он, живя в давние времена, так оплакал, которому сочинил надгробное рыдание и составил плач, что будет этот муж делать для своих близких, которых любил? Согласен, как и тот, Арсений будет заступником не только за нас, но еще и за тех недругов, от которых много претерпел, ибо столь суровое порицание, произнесенное и Иеремией, и Арсением, происходило не из ненависти, но из любви. Хотя этому меньше всего верят, однако мы, знавшие Арсения, не можем сомневаться, что не лишается обетований Христовых тот, кто претерпел борьбу за столь великую истину. И если можно было [бы] веру купить за некую цену, мы бы платили до тех пор, пока они не прекратили бы преследовать ненавистью того мужа, которого воспитала любовь, возвысила справедливость и украсило благочестие. Потому увещаю, пусть они успокоятся и прекратят злословить, чтобы не обнаруживать своих злодеяний, так как подобает подражать более тому, что они называют его лукавством и неверностью, чем их извращенной вере.

Пасхазий:

Горячо бранишься, брат Север. Хотел бы я, чтобы ты опасался того, о чем говорит Теренций: «Ни в чем излишка»[117], потому что все, кто знаком с угрызениями совести, не знаю, каким образом, более недоверчивы и все принимают за оскорбление, и верят, что их осуждают за их собственные [прегрешения].

Глава 3

Адеодат:

Полагаю, если бы ты показал, что есть верность истинная по отношению к ближнему – и какова обещанная господину верность, которую должно

[117] Девушка с Андроса. I, 1, 60 // *Теренций Афер*. Комедии. М., 2000. С. 22 (пер. А. Артюшкова).

сохранять, каждый из нас мог бы яснее увидеть и самостоятельно судить об этом по своему пониманию, поскольку Арсению настойчиво ставится в вину тот известный поступок, когда он не сохранил должной верности Августу.

Пасхазий:

Ты наилучшим образом побуждаешь меня показать, как часто многие изменяют истинной вере и губят ее, не разумея, в чем они обещаются. Итак, есть Христианская вера, согласно Апостолу, которая действует через любовь [Гал. 5: 6]. Вообще, удали любовь, и верность угаснет, поскольку любовь предписывает все законы верности. В свою очередь любовь ко Христу и ближнему не допускает никакого греха, по крайней мере осознанного. Потому известно, что всякий, кто любит несправедливое или соглашается на это, несправедливо ненавидит душу свою и того, кому помогает, соглашаясь на несправедливость. Из чего ясно заключается, что вера не должна быть направлена на то, что каждому хотелось бы, так что он даже нарушит предписания Господни ради исполнения воли земного господина. Следует страшиться, как бы, согласившись на злой поступок, не потерять случайно ту веру, которая действует в ближнем через любовь, но пребывать в том, что имеет отношение к этой любви, и твердо и без колебаний осуществлять то, что относится к спасению ближнего. А в противном случае тот знаменитый Ирод и его приспешники не были бы преступниками, ибо он был связан клятвой; если бы вера предписывала желать всего, что угодно, и исполнять все, что ни пообещал [см.: Мф. 14: 3–11]. Потому прежде всего должно остерегаться, чтобы чего-то не посулить неосторожно ради веры; если торжественно даешь клятву, потом не уклоняйся, чтобы не впасть в худшее. Ибо мы ничего не должны, говорит Апостол [Рим. 13: 8], кроме как любить друг друга. Потому пусть каждый исполнит то, что должен исполнить, и, исполнив, пусть будет должен, а именно веру, которая действует через любовь. Однако бывает так, что вера не есть истинная вера, ибо она не происходит от любви к Богу и ближнему, но есть земное, плотское обязательство и диавольские оковы. Итак, никто не верен там, где презирается Бог и остается в небрежении спасение стремящихся к будущей жизни.

Адеодат:

Увы, сколь несчастны времена нашего века, когда главенствует произволение человеческое, ибо теперь возведено в закон то, что любой попробовал на вкус и пожелал. Побуждаемый дурными чувствами, он любым способом стремится достичь желаемого. Прежде было необходимо попробовать на вкус то, чего должно желать, потом пожелать того, вкус чего ты ощущаешь, и, наконец, исполнить то доброе желание, какое можешь. Ныне же умы человеческие рождают чудовищ. То, чему полагалось бы следовать, ставится впереди; голова, которая должна бы предшествовать всему, бредет сзади, не разбирая пути. И нерешительная и переменчивая мирская власть по этой причине надмевается, и со всеми делается то, что сказал Комик: «Нет – да, да – нет»[118]. И люди охвачены весьма неблагоприятным ребяческим непостоянством.

Пасхазий:

Потому некий из них, первый из сенаторов, которого я очень часто в течение почти двух лет убедительно просил исправиться, побежденный разумом и божественными словами, говорит: «Не слышишь ли? Конечно, все это, о чем ты рассказываешь, хотя бы и божественное, в том веке и в то время, когда мы родились, производило сильное впечатление и даже имело силу повеления; знай же, что ныне этому вот веку, в котором мы живем, не присуще ничто из пользы или разума». Потому, побеседовав так, мы разошлись; он, желая потрудиться по своей воле, а я, чтобы отдохнуть от своих усилий.

Адеодат:

Это дело не столько кажется плодом слепоты, мой Пасхазий, сколько удивительным исступлением ума. Ибо чувствовать, как будет дело, или что другой сделает, запоминать в точности, как было дело, или кто колебался, и однако не быть в состоянии идти вперед или вернуться к тому, что было, но, действуя столь бесчувственным образом, скорее искать своей воли, чем вернуться к себе прежнему, – это ли не исступление ума?!

Север:

Говорю, кто более неразумен, чем тот, кто и сам не понимает, и сам не слышит, что говорит? Но, пожалуй, как полагаю, вы думаете, что нас, громко клеве-

[118] Формион. V, 8, 950 // *Теренций Афер*. Комедии. С. 330 (пер. А. Артюшкова).

щущих, не могли бы услышать и самое «злое немотство»[119]. Потому вы не страшитесь говорить такое.

Пасхазий:

Мы говорим о вере, какова она должна быть по отношению к ближним и как должно ее соблюдать. И потому я рассудил, что не следует молчать, ибо, как ты знаешь, поистине такой веры держался наш Арсений, такую показывал, такую сохранял, веру, которая действует посредством любви, укрепляется в каждом истиной, утверждается справедливостью, а не такая, которая вводит в заблуждение бессовестной лестью, и которая превозносит пороки всякого, кому этого хочется; но такая любовь, которая во всяком занятии и слове, во всяком деле и договоре ищет, чтобы подругой ей была истина, и, словно с самого начала, исследовала отдельные причины предметов и занятий, как бы случайно в каком-нибудь ложь не проделала бы лазейку. Потому, чтобы отдельные составляющие веры спели в едином созвучии гармоничную мелодию справедливости, Арсений поставил себя пред очами всех, и, чтобы все внутри делала любовь, ежедневно в молитвах (все) вручал Господу.

Глава 4

Адеодат:

Удивляюсь, как среди различных и бесчисленных, как слышу, занятий и дел, он столь усердно служил Богу, где бы он ни был, в особенности, в то время как мы, желая служить Богу, столько раз отвлекаемся и, когда спрашиваем у самих себя, едва можем найти, чем отвлеклись.

Пасхазий:

Я согласен, любезнейший мой Адеодат, ибо где бы он ни был, он был с Богом. Ибо, как говорится, он не отдавал себя делам (полностью), но вручал (на время); и, исследуя свои помышления среди многолюдных сборищ, всегда носил в душе нечто спасительное. И чтобы неверные приняли веру, свидетельствую, что я никогда не видел никого другого, кто бы успевал повсюду и ходил, куда потребуется, погруженный в столь великие заботы; так что даже никогда не отвлекался, хотя бы и занимался бесчисленными и величайшими делами. А за трапезой, когда или он звал гостей, или кто-либо из великих приглашал его к себе, в течение долгого времени я никогда не видел, чтобы кто-либо еще вкушал столь умеренно, так что многие считали его подкрепление на трапезе высшим воздержанием и бережливостью в отношении пищи и были бы рады, если бы такового воздержания могли достичь, по крайней мере во время Четыредесятницы. О я, несчастный, лишившись возможности видеть его, не стыжусь сделать пред многими то, чего тогда робел пред ним. Ибо я знал, что он не допускал несдержанных речений. Я хотел бы, чтобы об этом ты спросил Севера, так как и он чрезвычайно часто со мною был этому свидетелем.

Север:

Во всяком случае я принимаю во внимание то, что, как ты уверяешь, это когда-либо станет известным. Пожалуй, я простирал руку жаднее, чем уста; по этой причине то, что он привозил, часто распределял среди нас; и до сего дня, по крайней мере, нас бичует совесть, а не его строгое вразумление. Однако тому, о чем ты говоришь, свидетели суть отцы, и братия, и соученики, знающие, что подобно земледельцу, пропалывающему свое поле, он использовал вместо мотыги слово и суждение порицания тотчас же в начале греха так, чтобы поле будущей жатвы обильнее дало побеги. Ибо он действовал не так, как некто, раздумывающий до того времени, как грехи разрастутся, но тотчас же убивал в людях начало греха мечом слова. Следовательно, каким образом он мог безразлично относиться к своим ближним, если и к людям более высокого положения он шел лишь для того, чтобы увещать их? Ибо он сделал своим речение Соломона, что слова мудрого суть будто стрекала и крючки, вбитые наверху; ибо он пронзал острием слова свежую поросль грехов и надежнее укреплял в вышине начала добродетелей.

Противостоя натиску столь великих дел, следующих одно за другим, Арсений был весьма счастлив и блажен, ибо он сам был себе весьма взыскательным судьей, посвятив себя в уединенном убежище монастыря ученым занятиям, Богу и делам милосердия. В этом заключались занятие его и причина занятия, этот покой и труд, эти посты и бдения, эта забота и постоянная неуспокоенность ума, ибо он никогда не оставлял то, что однажды начал в воинстве Христовом. Потому прочим людям было совершенно ясно, что он относился к себе так же, как к Богу и ближнему; ни к кому не был более суров, чем к себе, и никого другого не судил строже, чем себя.

[119] *Публий Папиний Стаций*. Фиваида, X, 896 / пер. Ю.А. Шичалина, под ред. С.В. Шервинского. М., 1991. С. 185.

Глава 5

Пасхазий:

Исследую, брат, и обдумываю то, что ты высказываешь, но еще не время говорить об этом, потому я, хотя и против своего желания, пропущу то, о чем ты предлагаешь побеседовать. Однако согласен с этим, ибо некогда я спросил его, почему он столь суров по отношению к самому себе и ходил столь печальный, в то время как он был один. На это он ответил: «Знай, что, когда я наедине с собой, я разбираю то, что во мне есть. Потому я не увеселяюсь никакими радостями, кроме разве, единственно, надежды [на спасение]». Пусть рассмотрят это наши [противники], которые пытаются уничижить Арсения и чернят чужими прегрешениями того, который таким образом себя рассматривал. Разве не думают они противное Апостолу, а именно, что Господь судит наибольшего из праведников, изгнанного из совета*? Более того, он поет, рассыпаясь в хвалах, Христу, Которому он был предан в жизни, когда еще пребывал в теле: «Ты избавил меня от сети ловца, от гибельной язвы» [Пс. 90: 3]. Но в то время как он освободился от столь великих и многочисленных несчастий, он оставил нас несчастными. Мне бы не хотелось, чтобы недруги знали, что мы потихоньку и незаметно перешли в уединении к слезам, которые мы прежде подавляли, чтобы не показалось, что мы оплакиваем того, кого враги безгранично ненавидели. Ныне же, наконец, отпустим на волю рыдания ради тех, кто «пребывает в мире» [Прем. 3: 3], так как плач и слезы суть средство, облегчающее скорбь, скорбь же есть приятное воспоминание об умершем, так как, хотя хищная смерть и устрашает, память любимого имени услаждает. Потому, по словам некого мужа, пусть смерть друзей заключает в себе некое наслаждение и пусть память о них будет приятна – подобно яблокам, которые, хотя и кажутся сладкими, терпки на вкус**. Итак, когда пройдет некоторое время, к нам вновь приходит чистая радость надежды, ибо мы любим своих близких так, словно и мы отсюда внезапно уйдем, и потому мы потеряли их, чтобы быть с ними рядом в вечности. Славная же надежда блаженна и сладка. Потому, мой отец Арсений, мы радуемся твоей участи, утешаем себя своей, ибо мы дерзнули допустить, что ты достиг блаженства, на которое надеялся, и верим, что твои заслуги помогают нам оттуда; хотя мы здесь до времени печальны, однако и радуемся, ибо твоя нынешняя участь более благоприятна, чем предстоящий нам исход сей жизни, если твой уход, что свершился прежде, не поможет нам. Возможно, тебе надлежало уйти, чтобы пришел Утешитель Христов, чтобы, оставив все, торопливым умом мы были бы с тобою, и душа при помощи неустанных молитв научилась бы с готовностью принимать милость и достичь упования. Итак, для нас не убывает твое присутствие в духе, не уменьшается забота пастыря, но приумножается благодать, и потому, мой отец, мы не печальны, но блаженны. Ибо что есть смерть, если не сон, как мы можем доказать на основании многих мест Писаний? Если бы в ночной тишине души, доныне скованные узами плоти и связанные, будто бы в темнице членов, могут ясно увидеть горняя и каждую вещь, различимую в ее истинном облике, как сказал некий святой, сколь больше они созерцают уже чистым и небесным умом, освобожденные от всей пагубы тления? Потому здесь мы более полагаемся на тебя, нашего отца, с кем мы могли наслаждаться изобилием взаимного общения в ходе сей жизни. Ибо нам, как веруем, повсюду заметно и его сладкое отсутствие, ибо ничто не может быть по-прежнему, когда мы лишены его горького присутствия. Мы верим, что Арсений пребывает в Том, Кому открывается и служит все. Велика эта власть и невыразима сила, так что ни смерть, ни время не может разлучить тех, кого сделало счастливыми одно и то же величие Божие. Потому, мой отец, скорее верится, что ты, который сподобился лучшей жизни для себя, живешь и для нас. Уже становятся слезы сладкими, плач веселее так как, даже если смерть свойственна ненависти, для нас жизнь – твоя любовь. Ибо действительно смерть выпита, поглощена жизнью [ср.: 1Кор. 15: 54], и потому ты живешь, отец, и блаженно живешь. Какими бы мы ни были, помоги нам у Престола Того, у Кого ты

* Цитата не установлена.

** Пересказ отрывка из 63-го письма Сенеки к Луцилию: «Воспоминание об умерших друзьях приятно нам так же, как терпкость в некоторых плодах, как очень старое вино, которое тем и вкусно, что горчит: ведь за отдаленностью времени гаснет все, что нас мучило, и доходит до нас лишь чистая радость» (*Луций Аней Сенека*. Нравственные письма к Луцилию / пер. С.А. Ошерова. Кемерово, 1986. С. 126).

удостоился лучшей жизни, в Ком живет все, и мы изменяемся в нем и пребываем. Обетованиями Его надежды умеряется страстность духа, и также, мало-помалу ослабевая, исчезает душевное волнение. А потому прошу, да спешит сюда непрестанно образ твоей души, и изольет сладкие видения истинного (если можно так сказать) сна, чтобы ты в полной мере присутствовал здесь, лишенный только телесного облика. Ибо ежедневная близость к тебе возбуждает долговечное воспоминание, душевное чувство представляет твой образ; и, уходя, они возобновляют скорбь. И потому, мой отец, ты иногда присутствуешь здесь, и тебя обнимают и ум, и душа. Ибо мы даем тебе многократное целование, обращаемся к тебе с мольбой и внимаем тебе. Весьма несчастен я, который после долгого отсутствия усвоил лишь последние увещания слов твоих. И в действительности скажи, как сообщил мне наш Хрем, скажи: «Так поступай, сын, исполняй на деле все, что ни узнаешь благого, чтобы не нашли, что ты стал хуже себя прежнего». Это были последние твои слова, мой отец, обращенные ко мне, это заповеди твоего почтения. Ты тщательно позаботился не о том, чтобы я узнал о совершенстве, но о том, чего я достиг бы, зная это. Не сознавая, что вскоре произойдет неизбежное, я более правдиво, чем шутливо ответил Хрему, что в течение продолжительного времени человеку не бывают свойственны равно три качества, а именно знать, желать и мочь. Ибо многое, что мы знаем как благо, мы не желаем исполнять, угнетаемые грехами; даже если человек расположен, чтобы сделать нечто хорошее, он уже не способен на это. Только у Бога знание не более, чем воля, и воля не обширнее, чем могущество; но все, что бы Он ни знал, Он желает и может сотворить; потому Он все совершает в Своей премудрости. Далее, ничто из этого не удается людям без благодати Христовой. И потому прошу тебя, Отче, чтобы ты восстановил нас своими молитвами, помог в исполнении обетов, ибо увещание наставника становится совершенным тогда, когда он подкрепит молитвы, которыми увещает, действием. Сие есть служение, совершаемое к твоей хвале, ибо на земле тебе не было препон, и ты не прежде возвещал своим близким волю Божию, чем поверял ее своими молитвами и подвигами. И Бог наделил твоих близких, которые чрез тебя могли узнать, что Ему угодно, способностью желать и быть в состоянии исполнить благое.

Глава 6

Адеодат:

Хотелось бы мне, чтобы ты более полно воскресил в памяти первые шаги столь великого мужа с его отрочества, так как столь великие добродетели, как мы верим, возросли вместе с ним. Ибо истинные добродетели не возникают без целомудрия: целомудрие же укрепляется действенностью добродетелей. Далее, долговечность доброго делания укрепляется привычкой, когда возрастают добродетели. В гармоничной натуре совершенного мужа знанию соответствует простота, и простоту вновь воспламеняет знание; как прежде чем явить плод, растение цветет, так и цветы, появляясь ранее, обещают плод доброй надежды. Случается, что цвет иногда опадает без плода, однако плод без цветка не завязывается. Потому хочется мне, чтобы ты разложил прежде для показа цветы, до тех пор, пока сладкий плод не появится в изобилии, так как, даже если плод и полезен, прекрасный цвет юности издает благоухание. На этом муже была благодать Божия, так что сила цветения была изобильна, хотя он и процвел до срока.

Пасхазий:

Ты спрашиваешь, Адеодат, спрашиваешь о таких событиях, когда меня не было на свете; однако из рассказов надежных людей я узнал многое весьма достойное памяти, ибо от чрева матери Арсений просиял величайшей известностью. С отроческих лет он в числе других молодых воинов дворца был предан изучению свободных искусств, выделяясь среди них и благородством обычаев и честностью суждений. Хотя Арсений и был двоюродным братом Августа, сыном дяди по отцу, тот, предугадав успешное действие дарований сего мужа, повелел, по некому внушению, чтобы он был уничижен и помещен среди людей самого незнатного происхождения. Это произошло не случайно, а по определению Божественного суда, чтобы нежный возраст был испытан в горниле испытаний, подобно золоту, до тех пор, пока Арсений еще юношей не научится стойко переносить несчастья и невозмутимо принимать процветание. Ибо написано: как горнило испытывает золото, так и испытание – праведников [Прем. 3: 6]. И потому уже снова стало известным свидетельство его праведности, что изобильнее проявилась благодать.

Когда уже долго и много характер Арсения отшлифовывался на пути смирения, он весьма просиял великой кротостью, и не знаю, кому из знатных

мужей он был отдан под покровительство, но в его доме он показал себя честным и достойным. Чрезвычайно великая слава его ежедневно возрастала, и во множестве являлись знамения его будущей жизни и хвалы. Итак, кто не признал бы, что Арсений уже испытывался для начала службы в Божественном воинстве? Ибо того, кого никто из ближних не мог обвинить ни в каком грехе и преступлении, того, кто был чист и праведен, угнетали так, словно он был виновен и не родня Августу. Рассказывают, что однажды, когда Арсений ехал печально в повозке по дороге и погонял быков, он встретил некого поселянина, идущего ему навстречу, подпоясанного хорошим поясом и в воинском снаряжении. Арсений сказал ему: «Не желаешь ли, о человек, отложить оружие, которое ты несешь, и принять эту вот повозку и быков, которыми я отягощаюсь?» После этих слов, едва поверив Арсению, путник, наконец, без ущерба для себя лишился своего вооружения и повез назад неожиданные дары. Тогда наш Арсений говорит: «Лучше мне подходят малоценные быки с повозкой, так как я предаюсь не службе в земном воинстве, но трудам крестьянской жизни». Что же этот вот муж Божий, братия, говорил, если не воспользовался примером Давида: «И я еще больше уничижусь, и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих» [2Цар. 6: 22]; в особенности, что человек делается более любезен Богу, когда он кажется себе менее достойным ради Бога; а когда человек кажется себе великим и способным, он, как читаем в Священном Писании, считается особенно незначительным в очах Божиих. Что более?

После того как срок его уничижения исполнился, немного спустя Божественная сила возвеличила Арсения многими почестями и сделала его столь любезнее всем, сколь он был скромнее. Он был возвращен во дворец и возвышен милостью. Поскольку Арсений ежедневно преуспевал и возрастал [в добродетелях], Август назначил его экономом всего домохозяйства, и Арсений почитался повсюду вторым после кесаря. Можно подумать, что он уподобился Иосифу, держащему скипетр царства [ср.: Быт. 41: 38–43], ибо его имя было у всех на устах; он возглавлял каждое и всякое дело. В наибольшей же степени он был блюститель правосудия; благодаря его искусному умению, гражданское право для добрых людей отправлялось без проволочек, и своим присутствием он не менее устрашал виновных, чем радовал добродетельных. Знатнейший, как... скажу, из знатных, в тайных делах он уже тогда был надежнее всех – тем, что ничего не желал, кроме того, чтобы умножать свои знания. Всегда предусмотрительный, всегда неутомимый, он был предан Августу и всегда решителен, так что пред ним никто о себе не желал произносить ничего, кроме правды. Перед ним суд граждан никогда не был подвержен подкупу, но, во всем действуя достойно, он выслушивал просителей по собственной воле. Подчас ему поручали те дела, которые должны были исполняться Августом. Потому, как рассказывают, этот же муж, носивший должность и звание военачальника, весьма превосходно повел войско на врага вместо кесаря. Как вы знаете, его весьма любили свирепые варварские народы, приручённые его благодеяниями, и, когда уже он сделался монахом, не раз, преданные, приходили к нему.

Глава 7

Север:

Признаю, что мы часто размышляли, почему он любил эти народы, и часто, оставляя без внимания дела нашего чина, всегда готов был отправиться к ним и неустанно предавал им всего себя. Но открыть смысл этого легко, ибо Арсений делал это из чувства милосердия, чтобы побуждать их своим примером и научить добродетельным обычаям тех, кто недавно пришел ко Христовой вере.

Пасхазий:

Это так, мой Север. По этой причине Арсений был им любезен более всех прочих, чему я сам часто бывал свидетелем, и более всех мил. Может быть, ты вспомнишь, когда мы отправились в эти места вместе с нашим Антонием для основания нового монастыря*, Антонию было явлено, сколь великим здесь считали Арсения. Я признаю, что Арсения почитали еще более, когда он стал монахом, чем в прежние времена, когда он был приближенным Августа; вот как выражусь, почитали его, как если бы он пришел с небес, а не из королевского дворца. Однажды мы приехали к неким людям, которые не признали Арсения в его новом облике. Люди эти враждебно опустошали монастырские

* Монастырь Корвей на Везере, основанный в 815 г. Арсением-Валой и его старшим братом Адальхардом, который в «Эпитафии Арсению» носит имя Антония.

поля, и сопредельные земли обезлюдели; Антоний наш, будучи кроток, пожелал исправить их своей кротостью, но они его не послушали. Тогда он вывел к ним Арсения, и просил того, чтобы он убедил их в беседе воздерживаться от таковых поступков. Услышав Арсения, они начали смотреть внимательнее, «не тот ли он, кого мы признаем»; они, даже если и многими убежденные, никак не верили, что столь сильнейший и могущественный муж пришел к столь великому смирению и образу уничижения. Из них один сказал ему: «Тот ли ты, кого наш мир чествует как столь славного?» Тогда он отвечает: «Я». «Тогда признаю, – говорит другой, – что о тебе говорят, что ты стал еще более великим мужем, чем прежде, хотя ты и кончиком пальца не шевелишь». После этих слов мы все улыбнулись и разошлись.

Адеодат:

Хотелось бы мне, чтобы ты говорил серьезно, ибо не вижу, чем бы были полезны такие истории, в которых передается надменность века сего. Даже если они и приятны, наша смерть совершенно уничтожит их. Разве не знаешь, что тот, кто любит мир, теряет сокровище? Ибо, действительно, что иное значит вновь устремляться к пышности века сего, как отказываться от веры Христовой?

Пасхазий:

Я думаю именно так, но, хотя и кажется, что благоразумные мужи делают то, что присуще миру, они носят в себе ревностный дух и не позволяют себе отвлекаться на внешнее, пусть даже снаружи весь мир откликается эхом и эхо подкрепляется великими смятениями. Что лучше, как ты думаешь, носить пурпур и пользоваться сосудами, изготовленными из серебра и золота, словно глиняными или власяницей, и чтобы это не затрагивало душу, или пользоваться такими же вещами, хотя бы и дешевыми так, словно бы драгоценнейшими, и не тяготиться [при этом] бедностью?

Адеодат:

Я назову и того, и другого мужами великой добродетели; но едва ли или редко отыщется такой человек, которого не низвергнет с высоты духовной величие, которого не изнуряет незначительность, которого не делает заносчивым высота почести или богатства, которого не задевает бедность и не истощают хлопоты различных дел.

Пасхазий:

Так, Адеодат, так, но истинная добродетель есть и в том, и в другом, как излагает добрый и преданно любящий ум; где ни похоть, ни алчность не разжигают дух, но возвышает доброта обычаев и украшает честность жизни. Добродетели находятся в согласии, пороки не угнетают, ни одно страстное душевное движение не тревожит другое, внешнее не разоряет душевного мира. Иначе какую пользу в пустыне приносят суровость края и молчание, если дурные чувства бушуют внутри и пороки совершенно изменяют душу? Итак, сей есть мирный и истинный покой души, который всюду предписывает разум и передает неповрежденное вероисповедание. А потому, как мы достоверно знаем, некие, уходя от века сего, еще живут, погрузившись в волнения; ибо известно, что умом они оставили мир в недостаточной степени. И поистине некоторые мужи, начатки добродетелей которых воспитаны на военной службе, после нее пришли в Христово воинство более чистыми и проницательными, чем если бы они не перенесли этого испытания.

Адеодат:

Однако они должны быть опытны в добродетелях, ради которых они ценятся как выдающиеся мужи, ибо и язычники, по крайней мере среди своего народа, казались достойными и честными, и говорят, что иные в мнении народа введены в сонм богов.

Пасхазий:

Мне кажется, что ты сомневаешься во всем, что мы упоминаем, и, словно бы пропитавшись окраской черни, ты впоследствии не можешь воспринять никакого другого умственного воздействия, в особенности, когда изменчивые пересуды заражают непостоянные умы грязными брызгами россказней. Итак, пожалуй, и ты настолько заражен дурными слухами, распускаемыми многими, что не в состоянии поверить чему-то другому; такую веру терзает толпа и разъедает невежество простонародья.

Адеодат:

Разве ты не размышляешь над этими словами Катона, что «многие многое говорят», потому «верность слову редка»[120]? Однако признаю, что я имею полнейшее доверие рассказам об этом муже, ибо я стал его приверженцем среди самых последних. Хотя я и поздно узнал его, но полюбил как

[120] Дистихи Катона, I, 13, 2 / пер. Е.М. Штаерман // Вестник Древней Истории. 1981. № 4. С. 228.

весьма украшенного добродетелями. Однако не всему должно легко оказывать веру. Потому читаем, что и апостолы уверовали не сразу, чтобы случайно их вера не показалась опрометчивой. Так и нам подобает ничего не делать стремительно и необдуманно и не заразиться впечатлением, свойственным народу или какому-либо человеку, так, чтобы уже не иметь возможности принять лучшее; и чтобы не размягчаться подобно воску, если так можно выразиться, так что мы принимали бы знаки любых печатей благодаря резьбе на них. Должно испытывать образ каждого, и должно испытывать веру, чтобы то, что однажды ты исследовал до ясности, не обсуждать еще раз.

Пасхазий:

Ты говоришь верно, но мне хотелось бы, чтобы ты поразмыслил о том, как жили достойные мужи среди высших почестей века сего, как эти люди, богатые дарованиями, оставили военную службу и скоро достигли благодати Христовой. Итак, умолчу о Давиде*, которого ни царское достоинство не соблазнило многим изобилием богатств, ни занятие делами не отвратило от дара благодати. Умалчиваю и обо всех прочих, кто, как о них читают, будучи украшен цветами добродетелей на вершине власти, угодил Богу и просиял многими таинствами Божественных тайн. Перейду к мужам из нашего народа, которых Христова благодать приняла как славных предстоятелей, прежде подвизавшихся в мирском войске. Говорю об Амвросии**, который, исполняя должность наместника провинции, тотчас получил кафедру епископа; и об Илларии***, которого Галлия восхваляет как превосходного наставника. Итак, таковых и такого рода мужей часто возвышает мир, а, вернее, Христова благодать увлекает от мира. И потому нет никакого сомнения, что и этого вот мужа, замечательного самоцветами добродетелей, Божественное провидение поместило среди увенчанных сенаторским достоинством, и Его же милосердие взлелеяло: перемещенный со столь великой вершины мирской власти в низину монашеского смирения, он сделался бы «сосудом честным» [2Тим. 2: 21].

Глава 8

Север:

Долго я жду этого, а именно что вы захотите рассказать нечто сомнительное о том муже, которого мы (если мне можно это так выразить) знали лучше, чем самих себя, которому мы были соработники, который, без сомнения, был приверженцем справедливости и истины, которому мы верили больше, чем себе. Может быть, как некие философы, мы будем все держать под сомнением и станем философствовать, что ничто нельзя воспринимать как верное. Кроме того, спросите нашего Хрема или этого вот Аллабига, трубный глас которого, пожалуй, даже глухих заставит поверить, что, пока Арсений жил в сем мире, он был славнее прочих честностью обычаев и добродетелей.

Хрем:

Нет никого, кто бы этого не знал, ибо он был почти всем известен; но недоброжелательность отрицает то, что осведомленность доказывает многим. Здесь совершенно ясно, пусть это и возбудит неудовольствие, что Арсений в нашем веке превосходил всех среди равных ему знатнейших людей; и пусть даже он не нравился этим людям, все, однако, провозгласили его мужем добрым. Ибо Арсений был в миру щедрый податель милостыни и щедрейший распределитель десятины, так что можно было бы ясно представить, что он раздавал не свое, но врученное ему для этой цели. После отчисления годовой десятины он издерживал ежедневную десятину на Христовых бедняков как из всякого дохода и расчета пропитания, так и из разных пожертвований, считая, что это часть его наследства, это цена прибыли, это товар его праведности. Но, как вижу, наш Аллабиг гневается, словно оскорбленный, и потому он трет сейчас рукой свою плешь и плохого мнения о том, что вы рассказываете.

Аллабиг:

Что вы для забавы в шутку обсуждаете? И если кажусь вам плешивым, что презираете Елисея [ср.: 4Цар. 2: 23]? Или не знаешь, Хрем, что многие меня ветры обдували? Может быть, число во-

* Здесь Давид – Карл Великий.

** Св. Амвросий Медиоланский (339–397), епископ Милана, сын префекта Галлии; изучал греческий язык, риторику, юриспруденцию. Прежде чем был выбран епископом, управлял областью Эмилия-Лигурия.

*** Св. Иларий Пиктавийский (около 315 – около 368), епископ Пиктавы (ныне Пуатье), происходил из богатой семьи, родители его были язычниками. Прежде чем он стал епископом, получил прекрасное светское образование, занимал заметное положение в обществе, имел семью.

лос моих уменьшилось, ибо я клялся этой вот головой. Ныне же, ибо они не верят, я отыскал это новое слово у Теренция: «Я могу следовать за теми, кто желает быть первыми среди людей, но суть не таковы; и когда они смеются, я смеюсь вместе с ними, и восхищаюсь их дарованиями или хвалю все, чтобы они ни говорили, и даже если они отрицают что-то, хвалю; что бы кто ни отрицал, отрицаю; они говорят, и я говорю. Потому я велел себе поддакивать всему... этот промысел самый прибыльный»[121]. Однако, по крайней мере я, который хорошо знал его, проявлю малую веру и не измыслю ничего ложного, так как не нахожу никого более любезного моему сердцу. Был он в свое время любезен всем, хотя чудовищное последнее время века сего ненавидело его до крайности безрассудно и злобно и преследовало ложью. Все же прошу, не считайте меня настолько малодушным или неблагодарным, или грубым, или неразумным, чтобы на меня не произвели впечатления ни общение с таким мужем, ни нечуждый мне образ жизни, ни любовь, ни стыд забывчивости. Напротив, они увещали меня сохранить верность тому, с кем я столь много пережил. От него я многому научился, и от него я узнал все лучшее из добродетелей, которые суть в мире сем, ради любви к нему я оставил мир для Бога. Потому, если кто из вас мне возразил из какого-нибудь рожка, он услышит трубу истины; пусть завистники глухи ко всему, но этот Арсений был истинный атлет Христов; и если я, неискушенный в речах, не могу многого перечислить, я не стыжусь оплакивать его столько, сколько раз воскрешаю его историю в уме, чтобы скорбь наших несчастий полностью подкрепила меня. Ибо даже если я полагаю, что должно радоваться тому, что таковой муж жил среди нас, также должно много плакать тем, кто всегда жил рядом с ним, ибо мы не присутствовали при его кончине, находясь от него вдали. Может быть, если бы мы были рядом с ним, нам изобильнее было бы уделено от его духа. Или вы не читали, что сказал Илия своему Елисею, просившему, чтобы его дух в нем удвоился? «Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так» [4Цар. 2: 10]. Так и мы, братия, если бы были с ним, когда он отошел отсюда на небеса, может быть, он излил бы нам залог своего духа в полной мере. Ныне же сколь несчастны мы, которым нельзя было узнать час его отшествия, ибо мы думали, что он жив!

Пасхазий:

Как слышу, этот плешивец, который казался невеждой, сделался внезапно философом плача; без сомнения, его вдохновил дух Арсения, которого мы оплакиваем. Кроме того, если дух мужа сего не коснулся его, каким образом Аллабиг предузнал, прежде чем пришло сюда известие, что настало время плакать от всего сердца? Ибо, как он сказал о себе, он не соглашается с неправдой, но, как думаю, возвещает истину. Пусть некто считает малоценным то, что услышит, в особенности, когда сегодня здесь нет никого из моих друзей, которым я дерзну открыть все мои тайны; ибо невольно можно выдать наши тайны врагам. Подчас одного удерживает достоинство, у другого вызывает досаду бессмысленность самого деяния; да не покажусь я недобросовестным или бесстыдным. Потому наше дело – понимать, где и как следовало бы соглашаться или уступать, или каким образом об этом вот умалчивать. Итак, поскольку мы не могли заранее осмыслить уход столь великого мужа и узнать о нем наперед, ныне должно прежде размыслить, что или кому и когда мы скажем. Ибо наш дух достаточно страшился поначалу мыслить об Арсении что-либо такое касавшееся его, из-за чего мы горевали. Не то, чтобы мы не знали этого обстоятельства; но некий обычай, рожденный молитвой, притупил ощущение, что немощь присуща нам всем, так что мы не могли думать о нем ничего, кроме хорошего. Потому, когда однажды я был послан Августом по делу, о котором вы знаете, прежде чем я вернулся в Агриппину*, я обнаружил, что Арсений, которого мы ныне оплакиваем, нес изгнание вместо награды, в то время как мы среди немалого числа монахов предавались покою. И было чтение в середине [книги] пророка Исаии, где говорится: «Я вооружу египтян против

[121] Пересказ отрывка из комедии Теренция «Евнух» (II, 2, 250–254): «Есть такие люди, что во всем хотят быть первыми, / Но не могу. Вот на них я и охочусь. С ними я / Так себя не ставлю, чтобы надо мной смеялися: / Сам смеюсь я, восхищаясь вместе их талантам. / Скажут что – я соглашаюсь, скажут нет – и то хвалю; / Да – и я да, нет – и я нет. Взял себе за правило / То в конце концов я, чтобы им во всем поддакивать. / Ремесло теперь такое самое доходное» [*Теренций Афер*. Комедии. С. 190–191].

* Латинское название Кельна – Colonia Agrippina.

египтян; и будут сражаться брат против брата и друг против друга ...и дух Египта изнеможет в нем» [Ис. 19: 2–3]. Вот тогда я зарыдал; словно тонущий, весь промокший под ливнем слез и терзаемый скорбью, я изнемог, так что все удивлялись: иные догадались, что случилось, иные же считали, что я будто бы знал его вину. Никого из них нет со мной сегодня, хотя вчера они и казались лучшими утешителями. Признаю, однако, что в тот же час мне пришло на ум все, что произошло позже. Потому не должно сомневаться, что Божественный Дух повсюду все наполняет, и то даже, чем еще как бы не обладает.

Север:

Я расскажу о том, что у меня на уме, а вы оценивайте мои слова. Пока Арсений был один, пока не было никакой другой надежды, пока его сила расцветала, многие благоволили к нему и вознаграждали его; ныне, после того как все переменилось, переменились и те, на которых вы жалуетесь. Но не потому я сказал, что таковое приключилось неожиданно, что и слезы, и чтение сделали известным, а именно что нашему Египту должно быть расторгнуту в недрах своих; возможно, даже теперь глубины души поют, словно кифара, погребальную песнь, предчувствуя ужасные деяния грядущего.

© Ненарокова М.Р., 2011